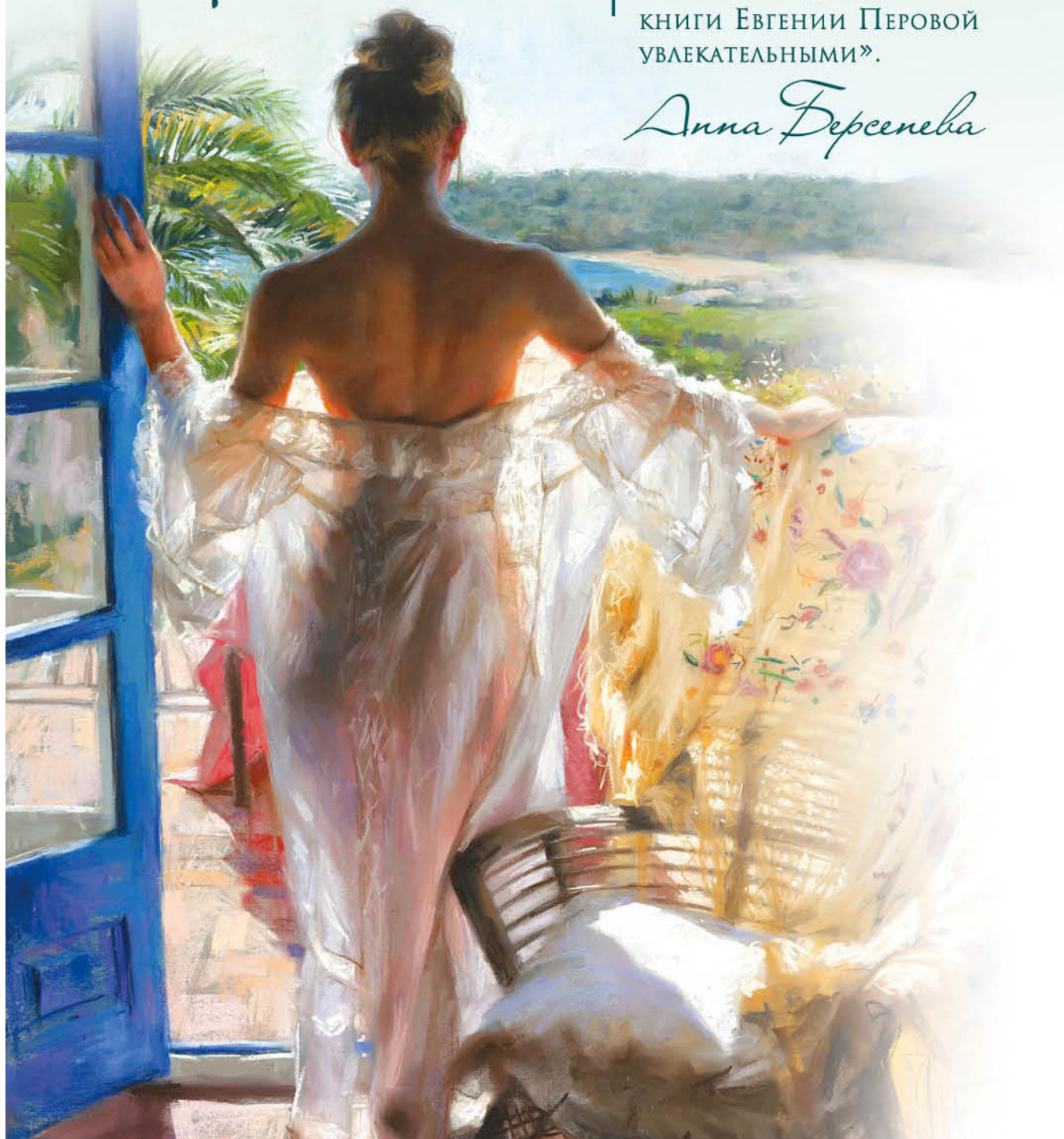

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА

*Все у нас
получится!*

«ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ
И ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ
ВАЖНЫ ДЛЯ МЕНЯ В
ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ.
СОЕДИНЕНИЕ ЭТИХ КАЧЕСТВ
С ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫМ
ТАЛАНТОМ И ДЕЛАЕТ
КНИГИ ЕВГЕНИИ ПЕРОВОЙ
УВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ».

Анна Берсенева

Счастье мое, постой! Проза Евгении Перовой

Евгения Перова

Все у нас получится!

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перова Е. Г.

Все у нас получится! / Е. Г. Перова — «Эксмо»,
2019 — (Счастье мое, постой! Проза Евгении Перовой)

ISBN 978-5-04-104154-0

Илья Званцев, наследник миллионов, потерял всех своих родных и пребывает в депрессии. Внезапно в его жизни появляется новая любовь – секретарша Лина, простая девушка из пригорода. Дело идет к свадьбе, но у обоих есть тайны прошлого, которые Илье вскоре предстоит узнать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104154-0

© Перова Е. Г., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая. Сказка о Принце и Золушке	6
Глава 1. Да здравствует Король!	6
Глава 2. Силовое поле	12
Глава 3. День рождения	17
Глава 4. Уволь меня!	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгения Перова

Все у нас получится!

© Перова Е., текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая. Сказка о Принце и Золушке

Глава 1. Да здравствует Король!

Илья проснулся за десять минут до звонка будильника. Полежал с закрытыми глазами, повздыхал. Вставать не хотелось – была б его воля, он накрылся бы одеялом и проспал остаток жизни. Ладно, хотя бы до обеда. Но Илья не мог себе этого позволить, поэтому решительно прихлопнул зазвонивший будильник и поднялся. В последнее время спал он плохо: просыпался, с трудом выдираясь из очередного кошмарного сна, и судорожно хватался за часы, которые показывали то три часа ночи, то пять утра.

Шаркая ногами, как столетний дед, Илья поплелся в душ, который слегка привел его в чувство. Бреясь, он вспомнил, что сегодня понедельник и впереди целая неделя, когда голова будет занята исключительно работой. Почему же так погано на душе? А-а, черт возьми! Он совсем забыл, что Долли собирается устроить смотрины. Илья вздохнул, глядя в зеркало на свою хмурую физиономию, которой он был решительно недоволен. Впрочем, с утра ему мало что доставляло удовольствие. Не присаживаясь, Илья выпил кофе и уже более бодрым шагом направился к выходу, отражаясь по дороге в многочисленных зеркальных поверхностях, которыми по прихоти дизайнера изобиловало его жилище. По дороге он думал о Долли.

Долли досталась ему в наследство от Старика, для которого была не только секретаршей, но и любовницей. Вернее, это Илья достался ей в наследство: Долли знала его с пеленок, как она утверждала. Вообще-то лет с восьми, но кто считает? Сколько раз маленький Илья оставался под присмотром юной Долли, которую тогда еще звали Дашей, пока Николай Алексеевич, любивший брать мальчика с собой на работу, проводил очередную планерку. Они с Дашей ходили вместе по магазинам за тетрадками и ластиками, ели мороженое и бегали наперегонки по улице, засаженной липами. Даша утешала мальчика, когда он расстраивался, давала мудрые советы, заливала зеленкой разбитую коленку, дула на нее и говорила, глядя по голове: «У кошки боли, у мышки боли, у Илюши пройди!», а Илюша, хлюпая носом, возражал: «Ни у кого пусть не боли!»

С тех пор прошла целая жизнь: и улица теперь была другая, и офис, и бизнес. Впрочем, тогда и слов этих еще не знали: офис, бизнес. Все изменилось, только Долли оставалась неизменной. Как и когда Дарья заработала это прозвище, она и сама не помнила, но прикипело оно к ней прочно, и молоденькие сотрудницы секретариата, боявшиеся помощницу всесильного босса как огня, почтительно именовали ее «Долли Михайловна», на что та сурово отвечала: «Без отчества, пожалуйста». В прошлом году Долли исполнилось пятьдесят пять, и она собралась выйти замуж, от чего те же молоденькие сотрудницы впали в ступор. Илья нисколько не удивился, потому что был в курсе происходящего, но страшно расстроился: Долли собиралась уволиться и наслаждаться прелестями семейной жизни в загородном особняке будущего мужа, который был когда-то одним из партнеров Старика. Пахомыч, как Долли называла жениха, образовав прозвище от фамилии Анатолия Владимировича Пахомова, давно добивался ее расположения, но пока Старик был жив, Долли оставалась ему верна, хотя давным-давно поменяла статус любовницы на статус друга.

Невысокая, фигуристая, яркая, очень живая, Долли была наделена недюжинным умом, железным характером и своеобразным чувством юмора. Илья считал, что она вполне могла сделать собственную карьеру, а не прозябать всю жизнь в тени Старика. А Пахомыч Илье вообще нравился: семидесятилетний живчик с роскошными седыми усами, худощавый и спортивный, он рано отошел от дел и жил в свое удовольствие – то путешествовал по Швейцарским Альпам, то сплавлялся в байдарке по рекам Южной Карелии, а то и летал на воздушном шаре

над долиной Луары. Илья с трудом представлял себе Долли в байдарке или в корзине аэростата, хотя куража ей было не занимать.

Заняв место Старика, Илья целый месяц не решался переехать в кабинет босса, пока не пришла Долли, не взяла его за руку и не увела на другой этаж. На двери кабинета уже висела табличка матового золота: «Званцев Илья Константинович».

– Садись! – велела она, указав на массивное кресло Старика, стоявшее за не менее массивным столом. – Вот твой трон. Король умер – да здравствует король.

– Да какой из меня король, – уныло возразил Илья.

– Хорошо, не король – принц.

Наедине они были на «ты» друг с другом – по возрасту Илья вполне годился Долли в сыновья. Почти три десятка лет она, как настоящая мать, поддерживала его, вселяла уверенность, развлекала и опекала. А теперь вот решила бросить.

– Ты уже большой мальчик, – сказала она, покосившись на печальную физиономию Ильи. Они курили на балконе офиса, стряхивая пепел с высоты пятнадцатого этажа. – Ты справишься. А я найду себе замену.

– Ты незаменима.

– Это конечно. Но я постараюсь подобрать наилучшую кандидатуру.

– А чем моя прежняя секретарша не годится?

– Всем. Ты что, спал с ней?

– Да нет.

– Тогда забудь.

И вот сегодня Илья должен был «собеседовать», как выразилась Долли, с тремя кандидатами, чтобы выбрать единственную и неповторимую, достойную такого «принца», как он.

– Да выбери сама, – ныл Илья. – Я тебе доверяю.

– Тебе же с ней работать. Давай, не ленись, полюбуйся на красоток. Только резюме все-таки прочти. А то увлечешься, глядя на стройные ножки, и рассиропишься.

Вот так она всегда и обращалась со своим «принцем». Сам Илья несколько себя принцем не чувствовал, хотя и был наследником Старика. Единственным! Оглашение завещания произвело в семье небольшой атомный взрыв: ни жена, ни дочь не получили ничего, кроме ежегодных выплат со счетов, управлять которыми, как и всей остальной империей Николая Алексеевича Селезнева, должен был Илья, его воспитанник и зять. Алла Георгиевна невозмутимо выслушала сообщение адвоката и вышла, не сказав ни слова, а Диана устроила истерику, которая продолжалась два дня. Завещание показалось Илье несправедливым, и юрист, вероятно, сразу прочел это по его лицу, поэтому строго сказал:

– Если вы собираетесь что-то предпринять, дабы компенсировать супруге и дочери покойного ту выгоду, которую они рассчитывали получить, то подумайте о ясно выраженной воле Николая Алексеевича. Он знал, что делал, и не зря оставил все именно вам.

Илья признал правоту юриста, но потом никогда не отказывал ни Диане, ни ее матери, выписывая чеки на все их прихоти. Он не сразу понял, из-за чего так рыдает Диана: она его жена, о чем ей вообще волноваться? Оказалось, она только и дожидалась смерти отца, чтобы объявить о разводе. Когда Старик их поженил, Диане едва исполнилось восемнадцать, а Илье двадцать пять. Принцессу он обожал! Так называли ее в семье: мать – с придыханием, Старик – слегка насмешливо, а Илья всерьез. Она-то точно была настоящей Принцессой, не то что он, существовавший на птичьих правах.

Илье было шесть с небольшим, когда Старик забрал его из детдома. Он провел там несколько месяцев, но и этого хватило на всю оставшуюся жизнь: до сих пор иной раз снилась комната с множеством кроватей, запахом потных мальчишеских тел и застиранного белья. Запах беспризорщины, страха и одиночества. Он был маленький домашний мальчик и плакал по ночам от горя. Старик его спас. С какой благодарностью, с каким облегчением уцепился

он за крепкую руку Николая Алексеевича, готовый любить его безоглядно всю оставшуюся жизнь. И любил.

Как выяснилось позже, Алла Георгиевна хотела маленькую девочку, а муж выбрал уже довольно большого мальчика. Но очень скоро девочка в семье все-таки появилась, хотя до этого у Аллы никак не получалось забеременеть. Она надыхаться не могла на свою Принцессу, к которой отец относился почему-то с легкой иронией и говорил: «Она у нас прелесть что за дурочка!» Никто не посмел возразить Старику, когда он объявил о помолвке, только Алла Георгиевна слегка поморщилась. Диане было, в общем, все равно.

Илья долго не осознавал, что Диана его не любит. Целых десять лет. Поэтому никак не мог поверить, что она всерьез собирается с ним развестись: у нее внезапно случилась неземная любовь. Неземная любовь называлась Леон Клэм и подвизалась на ниве шоу-бизнеса: немножко певец, немножко телеведущий, немножко актер, немножко модель. Плейбой и красавец Леон поразил воображение Принцессы бронзовым загаром, голливудской улыбкой, накачанной мускулатурой и блондинистыми кудрями до лопаток. На самом деле «звезда» носила простецкое имя Леша Клейменов и была родом из Саратова. Илью почему-то страшно оскорбил выбор Принцессы. Он долго и безрезультатно уговаривал ее подумать, опомниться, обещал исправиться, все наладить и даже пойти вместе с Дианой к психологу, к сексологу, хоть к черту лысому, лишь бы помогло. Развод все-таки состоялся, и не без участия Долли, с которой Илья тогда поругался не на жизнь, а на смерть, потому что она стала на сторону Дианы:

– Отпусти ее! – кричала Долли. – Пойми, наконец: она тебя не любит. И никогда не полюбит. Черт бы побрал Старика, который все это устроил. Как я его отговаривала... Проклятый упрямец...

И Долли заплакала. Но Илья не стал ее утешать и ушел, хлопнув дверью. Потом-то помирились, конечно. А сладкая парочка, получив развод, тут же принялась весело прожигать жизнь и деньги, которые Илья щедрой рукой добавил к оставленной Стариком сумме, наивно надеясь, что Диана наиграется в своего Леона и вернется. Он чувствовал ответственность и за Диану, и за Аллу Георгиевну. Они же его семья! Единственная, какую он знал. Да и той больше нет. А теперь и Долли его покидает.

В крайне мрачном настроении Илья вылез из лимузина и поправил очки-хамелеоны без диоптрий, которые носил второй год: он ненавидел ездить с шофером, но статус обязывал. Впервые увидев его в очках, Долли сказала: «Вылитый агент Смит! Но если тебе так комфортнее...» Уже закрывая за собой дверь, Илья услышал, как она пробормотала себе под нос: «Бедный мальчик», – и несколько секунд бедный богатый мальчик стоял, зажмурившись, стиснув зубы и крепко сжав кулаки, чтобы не завывать в голос. В это мгновение он готов был отдать все золото мира, лишь бы вернуть тех, кто его покинул. А потом пошел руководить.

Да, в очках ему было комфортнее и безопаснее – как рыцарю с опущенным забралом. К тому же все стали бояться его еще больше, а это Илью вполне устраивало, потому что он чувствовал себя не слишком уверенно. Конечно, никто не знал лучше него проблемы и подводные камни бизнеса – он, можно сказать, на нем вырос, поэтому решение рабочих вопросов давалось ему легко. Труднее было поверить в собственное право распоряжаться и принимать решения, тем более что большинство тех, кем он распоряжался, были гораздо старше по возрасту. По привычке Илья все оглядывался на Старика, все ждал подсказок. Старик был гигантом, а Илья сам себе казался пигмеем и самозванцем, вынужденным держать на своих плечах тяжесть той стальной империи, которую создал Николай Алексеевич Селезнев. Империя включала в себя несколько металлургических комбинатов, парочку машиностроительных заводов и еще кое-какую мелочевку, а также золотодобывающую компанию, о которой Илья до этого и не знал: очевидно, Старик приобрел ее незадолго до смерти.

При этом Илья как-то забывал, что «империя» создавалась при его непосредственном участии: еще при жизни Старика он стал в ней вторым человеком, так что за спиной его назы-

вали Лордом-Десницей – прозвище придумал кто-то из программистов, поклонник сериала «Игра престолов». Сам себя он ощущал скорее Джоном Сноу, королевским бастардом. Вернее, мог бы ощущать, если бы смотрел сериал. Но ему было не до сериалов – он работал и, пока был жив Николай Алексеевич, ни о чем подобном даже не задумывался. Всем казалось, что Старик вечен, но тот на шестьдесят седьмом году жизни скоропостижно умер от аневризмы, хотя никогда раньше ни на что не жаловался. Империя не рухнула, а вот Лорд-Десница внутренне зашатался. Он, конечно, предполагал, что когда-нибудь сменит Старика, но не в тридцать пять лет и не в качестве владельца! Да и сам Селезнев рассчитывал оставаться на царстве еще лет пятнадцать, а то и все двадцать. С тех пор прошло уже три года, а Илья так и не привык к своему новому положению. Впрочем, слишком ко многому ему пришлось привыкать...

Званцев не спеша вошел в лифт офисного здания, повернулся, прислонился к стенке и рассеянно уставился на вращающуюся входную дверь в противоположном конце длинного холла, где происходило какое-то мельтешение. Кнопку этажа он не нажал, поэтому лифт так и стоял, ожидая указаний. У Старика был персональный лифт, но Илья старался им не пользоваться. Он очень не любил все эти понты, потому и от охраны отказался: да кому он нужен? А если и нужен, то никакая охрана не уберет.

Тем временем из вертушки выбралась девушка и помчалась напрямик к Илье. На бегу у нее с громким щелчком отскочила заколка, улетев куда-то в угол, и прическа рассыпалась. Она бежала, звонко стуча каблучками, в вихре развевающихся волос и одежд напоминая почему-то нимфу, удирающую от сатира, в роли которого выступал погнавшийся за ней охранник. Девушка не смогла притормозить и с ходу упала на Илью, который с интересом наблюдал все это действо. Она была довольно крупная, так что Илья ощутимо впечатался спиной в стену лифта и невольно обнял ее за талию. Двери закрылись, и лифт поехал. Некоторое время они стояли, тесно обнявшись, и девушка судорожно дышала Илье в шею – она была всего на полголовы ниже.

– Какой ужас! Простите, простите! – забормотала она, отстраняясь. Илья с неясным чувством сожаления разжал руки и отпустил ее. Девушка проворно отскочила в угол, поправила волосы и шарф, а потом ахнула:

– Кошмар! Я вам воротник помадой испачкала!

Илья повернулся к зеркалу – и правда, на внутренней стороне воротника был розовый след.

– Вы мне еще и ногу отдавили, – сказал он, с удовольствием наблюдая, как она краснеет. Почему-то происшествие его развеселило. Тут лифт остановился, девушка выскочила, еще раз жалобно пискнув «Простите!», а ей на смену вошла уборщица с синим ведром. Оказалось, шестой этаж. Посмеиваясь, Илья нажал пятнадцатый: ну что ж, неплохое начало дня.

– Доброе утро, Илья Константинович! – приветствовала его Долли.

– Доброе, Дарья Михайловна, – любезно ответил Илья, а потом добавил: – Предательница!

– Я тоже тебя люблю, мальчик. Что-то ты сегодня подозрительно бодрый. Не забыл про собеседование? Их будет четверо.

– Ты же говорила – трое?

– Четверо. Минут через пятнадцать мы подойдем, да?

– Через двадцать! – мстительно сказал Илья и прошел к себе. В комнате отдыха он снял очки, посмотрел в зеркало и вздохнул: все та же вселенская тоска и космический мрак. Потом передел рубашку, заодно умылся. Завязывая галстук, он вспомнил лифт, и это воспоминание оказалось настолько жгучим, что Илья покраснел, невольно представив продолжение сюжета в духе фильма «Роковое влечение». Или «Основной инстинкт»? Этого еще не хватало.

Он уселся на «трон», который давно следовало заменить на что-то более удобное и современное, но Илья не решался, сохраняя обстановку кабинета в память о Старике. На столе уже

лежали четыре тонкие папки с личными делами претенденток, и Илья лениво перелистал две – вникать не хотелось. В последнее время он все делал нехотя и через силу, ощущая постоянную усталость и унылую бессмысленность собственного существования.

Дверь открылась, и торжественно вошла целая процессия: Долли, начальник отдела по работе с персоналом и начальник службы безопасности. Илья вздохнул: ну вот, начинается! Он бы предпочел обойтись безо всех этих церемоний. Первой из претенденток была стильно стриженная брюнетка с умным и злым лицом. Илье она категорически не понравилась: не хватало еще такой гримзы под боком! «По закону жанра следующей должна быть сладкая блондинка», – подумал Илья. Так и вышло: Долли явно развлекалась, отбирая кандидатов. Третья была рыжей. «Все “иствикские ведьмы” в сборе!» – хмыкнул Илья. Четвертой оказалась девушка из лифта. Илья даже не удивился, подсознательно именно этого и ожидая.

Девушка из лифта – Виталина Наумченко, ну и имечко! – разительно отличалась от «иствических ведьм», словно выпущенных с одного конвейера: во-первых, она была старше, во-вторых – крупнее, хотя ее никак нельзя было назвать ни толстой, ни громоздкой. Под прикрытием очков Илья беззастенчиво ее разглядывал: изящные туфли на невысоком каблучке, стройные ноги, костюм зеленовато-серого цвета, юбка скромно прикрывает колени. Пиджак, белая блузка, под которой прячется весьма пышная грудь. Илья снова вспомнил лифт. Розовая помада, большие серо-зеленые глаза, длинные ресницы, темные брови. Светло-русые волосы гладко зачесаны – успела причесаться. Пока Виталине задавали вопросы, Илья быстро просмотрел ее резюме и досье: двадцать шесть лет, не замужем, есть шестилетний сын. Так, образование... предыдущая работа... Да, исходные данные похуже, чем у «иствических ведьм». Илья смотрел на Виталину Наумченко и думал: «Может, ее и взять? Такая живая, настоящая. А вдруг это знак? Вдруг она сможет...» Он так и не додумал свою мысль, потому что Долли официальным тоном спросила:

– Илья Константинович, у вас будут вопросы?

– Вопросов нет, – сказал Илья, закрыл папку и обратился к взволнованной девушке:

– Вы приняты.

Он вернулся к делам и на какое-то время забыл обо всех девушках на свете. В десять Долли обычно приносила ему завтрак – дома он только пил кофе. Она входила и торжественно объявляла: «Овсянка, сэр!», хотя никакой овсянки и в помине не было, Илья терпеть ее не мог. Но в этот раз привычной реплики не прозвучало – робкий голос спросил:

– Простите, куда мне это поставить?

Илья поднял глаза. Перед ним стояла девушка из лифта с подносом. Ну да, он же сам ее нанял. Илья понял, что не помнит, как ее зовут. Виктория? Вероника? Владислава? «Надо потихоньку спросить у Долли и записать, – подумал он, – а то неловко».

– Столик справа. Спасибо.

Она поставила, но не ушла, топталась на месте.

– Что-то еще? – спросил Илья.

– Да! Я хотела поблагодарить вас за то, что взяли меня. И извиниться! За сцену в лифте.

Илья почувствовал, что ему жарко – «Основной инстинкт», черт бы его побрал. Надеюсь, что все-таки удалось не покраснеть, он сказал:

– Ничего страшного. Надеюсь, впредь вы не будете опаздывать.

– Я буду стараться! – пылко воскликнула девушка.

– Хорошо. Вы свободны.

Илья смотрел, как она идет к двери: даже строгий офисный костюм не мог скрыть ее великолепную фигуру. Как же ее зовут-то? Может, Ванда? А что, ей пошло бы такое имя. Или Линда! Что-то в ней есть... скандинавское. Или, наоборот, античное? Не зря же она показалась ему нимфой. С трудом оторвав взгляд от бедер «нимфы», Илья увидел, что она заплела

волосы в косу, скрепив ее канцелярским зажимом для бумаг, и изумленно поднял брови. Но тут девушка обернулась и сказала:

– Илья Константинович, вы можете называть меня Линой.

Улыбнулась и скрылась за дверью, а Илья ужаснулся: неужели она прочла его мысли?

Приехав домой в одиннадцатом часу ночи, Илья сразу же направился в бассейн, из-за которого и купил этот пентхаус. За узкой водной дорожкой в тридцать метров длиной следил специальный человек, а Илья старался плавать каждый день, лелея тщеславную мечту проплыть однажды целый километр без остановки. Пока что его рекордом было триста метров – все-таки он сильно уставал к вечеру. Попробовал раз поплавать утром, но в результате заснул в лимузине, и шоферу пришлось его будить. Наплававшись до звона в ушах – 360 метров! – Илья вылез и как был, голый, пошлепал в спальню. Он жил в этих двухэтажных хоромаш второй год и до сих пор иной раз путался, где что. По дороге нашел холодильник, достал апельсиновый сок и жадно выпил сразу полбутылки. Спал он в эту ночь как убитый и с трудом проснулся под трезвон будильника, страшно удивившись такому обстоятельству.

Глава 2. Силовое поле

Илья вошел в приемную и невольно остановился, принохиваясь: пахло как-то непривычно. Ни Долли, ни Лины не было, хотя компьютер работал. Рядом с компьютером в голубой фаянсовой вазочке стоял букетик подснежников. Илья взял вазочку и поднес к лицу – да, именно от этих хрупких цветов идет нежный, свежий и чуть горьковатый аромат. Уже весна, что ли?

– Здравствуйте, Илья Константинович! Я цветы у метро купила. Хотите, к вам в кабинет поставлю?

Илья обернулся. Это была Лина.

– Доброе утро. А где Долли?

– Она на примерке свадебного платья. Илья Константинович, Долли пригласила меня в подружки невесты. Вы не будете возражать?

– Да я-то тут при чем? – изумился Илья. – Почему я должен возражать?

– Ну, вы же... Как это? Поведете ее к алтарю, вот. Может, это неудобно с точки зрения профессиональной этики?

– Послушайте, не морочьте мне голову с этой свадьбой! Мало Долли, еще и вы! – неожиданно вспыхнул Илья и тут же раскаялся, потому что у Лины сделалось такое испуганное лицо, словно он объявил ей об увольнении. Почему-то Илью раздражало, что Лина его боится. Именно она.

– Простите! – произнесли они одновременно и некоторое время растерянно смотрели друг на друга. Потом Илья поставил вазочку и быстро пошел к себе, думая, что Лина сама чем-то похожа на эти весенние цветы, хотя хрупкой ее уж никак не назовешь.

– Илья Константинович, – робко сказала Лина ему вслед. – Долли просила вас напомнить, что сегодня устраивает отвальную.

– Я помню.

Еще бы он забыл! Пятница, последний день с Долли. Как он будет жить без нее?

О том же самом думала и Лина. Она прекрасно справлялась, по уверениям Долли, да и шеф не делал никаких замечаний, но весь этот месяц Лина трепетала, опасаясь, что не то сказала, не там встала, не вовремя сунулась или, наоборот, слишком тормозила. Она никак не могла понять, почему выбрали именно ее, а не кого-нибудь из той троицы стильных красоток, компетентных даже с виду. Да еще после непристойной сцены в лифте! Сначала Лина опасалась, что шеф рассчитывает на продолжение, но нет: он сурово сверкал очками, а улыбался, если вообще улыбался, лишь краешком рта, и был неприступен настолько, что Лина каждый раз невольно видела на нем скафандр – серебристый и непроницаемый, даже покрытый инеем. Вот зачем, спрашивается, она полезла к нему со свадьбой? И с подснежниками? Замороженный шеф и зябкие цветочки – невозможное сочетание. Лина даже взглянула, не завяли ли подснежники, после того как он их рассматривал! Нет, не завяли.

Но в конце дня Лине пришлось переменить свое мнение о начальнике. Фуршет шел своим чередом, постепенно угасая, и Лина заглянула в кабинет шефа, куда он удалился вместе с Долли – хотела узнать, может ли она идти домой. Но кабинет был пуст, хотя с балкона доносились голоса. Лина не хотела подслушивать, но невольно прислушалась:

– Мальчик мой, – говорила Долли таким нежным тоном, какого Лина от нее еще ни разу не слышала. – Я же не на край света уезжаю. Ты всегда можешь и позвонить, и приехать. Всего-то часа четыре, подумаешь! Приезжай, кстати, пятнадцатого. Что ты будешь один куковать в такой день?

– Нужен я твоему Пахомычу, как же! Ничего, не беспокойся. Я справлюсь.

Лина не сразу узнала голос замороженного шефа, так глухо и вяло он звучал. Она осторожно сделала шаг назад, потом еще и быстро выскочила в приемную, где с ошарашенным видом плюхнулась на стул. Что же, выходит, он тоже – человек?! Настоящий, живой, способный... страдать? Это как-то меняло всю сложившуюся у нее в голове картину. Тут из кабинета показалась Долли, увидела Лину и удивилась:

– Ты еще здесь? Иди домой.

– Долли, спасибо вам за все! Но как же я буду одна? Без вас? Я не справлюсь! – воскликнула Лина.

– Все будет нормально, – Долли обняла ее, а потом тихо спросила: – Я смотрю, ты его побаиваешься, да?

– Есть немного.

– Не надо. Это все камуфляж, чтоб ты знала. Илья очень хороший человек. Только несчастный.

– Он? Несчастный? С такими возможностями?

– Поверь мне, я знаю, что говорю. Илья вырос на моих глазах. И я о нем беспокоюсь. Так что оставляю его на твое попечение, поняла? Все, мне пора. Пока, дорогая! Все будет хорошо.

На самом деле Лина мало чего боялась в жизни. Но эта работа была очень важна для нее, а Лина понимала, что не слишком вписывается в окружающую действительность. И как только она, простая провинциальная девчонка, оказалась в этом «заповеднике гоблинов», где даже воздух состоял не из кислорода и углекислого газа с азотом, а из долларов, евро и фунтов? Конечно, за пять лет работы секретарем она пообтесалась и научилась держать язык за зубами, но природная непосредственность то и дело давала себя знать.

Илья Званцев, «верховный гоблин», был не очень ей понятен, поэтому Лина и напрягалась, не зная, чего ждать. Она уже прониклась к нему уважением и опасалась как-то подвести или огорчить начальника, такого молодого, загадочного и привлекательного. В чем, собственно, состояла эта привлекательность, понять было трудно: высокий, подтянутый, ухоженный, черты лица самые обычные, волосы светло-русые, густые, слегка выующиеся. Не красавец. Возможно, это было обаяние богатства? Но эту мысль Лина решительно отвергала. Конечно, ей хотелось нравиться своему боссу! Но исключительно в рамках рабочего процесса. На большее она не замахивалась. Тем не менее ей в голову приходили странные мысли, и она одергивала себя: действительно, какое ей дело до того, как Званцев проводит свое свободное время? Да и где оно, его свободное время? Он живет на работе, иной раз и пообедать забывает. Но все равно ей было любопытно, что он делает по вечерам и по выходным, читает ли книги, смотрит ли кино? Какую музыку предпочитает? Как вообще они живут, эти «гоблины» с миллионами в портфелях? Пока что выходило, что скучно.

Дома Лина вошла в интернет и посмотрела, что пишут СМИ о Званцеве Илье Константиновиче: почти ничего, больше о его бывшей жене, да и то в основном после развода, словно до этого ее вообще не существовало. Зато потом Диана вспорхнула на верхние строчки новостных рейтингов, правда, исключительно за счет своего возлюбленного – дня не проходило, чтобы Леон Клэм чего-нибудь не отчебучил: то драка в ночном клубе, то скандал на телевидении, то эпатажное интервью. И везде рядом с ним маячило хорошенькое личико Дианы Званцевой-Селезневой. Вернее, над ним – Диана была гораздо выше ростом. Прочитав последний материал, Лина долго размышляла о том, что узнала. И почему она сразу не догадалась обратиться к интернету? Теперь многое стало понятно. Особенно про загадочное пятнадцатое число, о котором говорила Долли: 15 апреля, в день рождения Званцева, погибла в автомобильной аварии его бывшая жена.

Пока Лина рылась в интернете, Илья сидел перед панорамным окном и с высоты сорок шестого этажа рассеянно смотрел на ночную Москву, вспоминая те же самые события годичной давности. До роковой даты было еще двадцать дней, а он уже нервничал. И зачем только

Долли напомнила? Об аварии он узнал из новостей и тут же помчался к Алле Георгиевне, которую пришлось класть в больницу из-за нервного срыва. Было следствие, потому что Леон, придя в себя, стал кричать на весь мир, что авария подстроена бывшим мужем Дианы. К Илье приходил следователь, но больше ради проформы: за рулем была Диана, а водила она крайне плохо, о чем все знали: дергалась, пугалась, шарахалась. Конечно, она не справилась с мощной машиной Леона, разработанной для гоночного трека: «BMW» на 585 «лошадей» с мгновенным разгоном до сотни. К тому же у Дианы в крови обнаружили алкоголь – выше нормы, хотя и меньше, чем у Леона, который был загружен под завязку.

Илье до сих пор снилась эта авария: он просыпался с криком, а потом не спал до утра, представляя, как ей было страшно и больно, его бедной девочке, его хрупкой Принцессе, такой нежной и избалованной. Леон, однако, не успокоился и продолжал на каждом углу обличать Званцева, обвиняя его в покушении: «Конечно, дело замяли! С такими деньгами все позволено!» Выйдя из больницы, он демонстративно передвигался на инвалидной коляске, хотя отделался парой переломов и сотрясением мозга – пьяным и дуракам, как известно, всегда везет. Илье это быстро надоело, он поговорил с начальником службы безопасности, и Леона Клэма заткнули раз и навсегда, погрозив кнутом и сунув пряник в жадную ручонку. Собственно, в этом и было дело: Леон жаждал компенсации. Они с Дианой не успели пожениться, так что он пролетел мимо ее денег, вернувшихся в семью, – по закону наследницей была Алла Георгиевна.

А жизнь Ильи окончательно рухнула. Весь год после развода он, как дурак, продолжал надеяться на возвращение Дианы, не веря, что она всерьез увлеклась этим крашеным альфонсом. Строил какие-то планы, мечтал, страдал. И вот конец всему. Некоторое время он еще возился с Аллой Георгиевной, пока не стало понятно, что «крыша» у нее съехала окончательно. Тогда Илья устроил ее в специализированный частный пансионат, где бывшая теща в окружении няnek и санитарок предавалась успокоительному забвению, постепенно переставая узнавать не только Илью, но и себя самое. Тогда-то он и помирился с Долли, которая тут же примчалась, чтобы возвращать своего мальчика к жизни – утешениями, убеждениями, встряхиваниями и пинками.

А теперь, когда и Долли от него ушла, Илья очутился в таком космическом одиночестве, что плохо понимал, зачем ему жить дальше. Для чего? Для кого? Он казался себе заводной игрушкой, эдаким зайцем-энерджайзером с выдохшейся батареей, которую и заменить некому. Раньше Илья претворял в жизнь планы Старика, удовлетворял его амбиции, и сейчас продолжал по инерции нажимать на кнопки пульта, управляющего империей Селезнева. Металл, станки, машины, рабочие места – это все понятно, но зачем оно нужно ему самому? Ради денег? Которых и так слишком много? И которые он не знает на что тратить – вот, купил этот дурацкий пентхаус, где чувствует себя не в своей тарелке! А какая «тарелка» для него? Илья не представлял. Да и купил только потому, что не мог больше оставаться в старой квартире, где каждая безделушка напоминала о Диане. Он специально попросил дизайнера сделать нечто противоположное прежнему интерьеру и в результате оказался в каком-то подобии межпланетной станции.

Может, жениться? Просто для того, чтобы продолжить род? Да какой там род... Он не принц и даже не лорд – так, подобранная на улице дворняжка. И на ком жениться-то? Надо знакомиться, встречаться, разговаривать – в общем, соблюдать политес, а как это делать, Илья решительно не представлял. Он понимал, что является завидным женихом – с такими-то деньгами, как сказал бы Леон Клэм. Но покупать себе жену он не собирался. Да и пример неудачного брака Старика не воодушевлял Илью. Он знал, что Николай Алексеевич не любил Аллу, а женился из практических соображений: их семьи дружили, родители мечтали об этом союзе, к тому же тесть, крупный партийный бонза, готов был продвигать и прикрывать зятя.

Так ни до чего не додумавшись, Илья вздохнул и поплелся в бассейн: может, удастся проплыть хотя бы полкилометра? Через сто пятьдесят метров он внезапно осознал, что мысли о женитьбе стали посещать его с тех пор, как в офисе появилась Лина. Илья был так потрясен этим обстоятельством, что чуть не утонул, забыв, как правильно двигаться и дышать. Но тут же вынырнул и с удвоенной силой замолотил руками и ногами. А ночью ему приснился настолько яркий, реалистичный и порнографический сон, что мимо Лины он промчался на реактивной скорости, словно она могла увидеть картинки в его голове, и весь день был чрезвычайно суров с ней.

Потом Илья внезапно решил, что надо срочно разузнать все, что можно, про своих родителей. Почему до сих пор эта мысль не приходила ему в голову? У него не осталось от раннего детства ни воспоминаний, ни фотографий, ни каких-нибудь вещичек. Мать он еще смутно помнил, а вот отец был загадкой: вроде бы он погиб от несчастного случая на стройке. Плохо запомнились и первые годы в семье Селезневых – словно все заволочло туманом, сквозь который вдруг проявлялись яркие разрозненные кадры. Но должны же сохраниться какие-то документы об оформлении опекуна?

Илья порылся в сейфе и действительно нашел папку с документами, из которых вычитал только то, что и так знал: Илья Константинович Званцев, родился 15 апреля 1978 года в поселке Келым Свердловской области; мать – Ирина Александровна Званцева, родилась в Москве в 1951-м году, умерла в том же Келыме в 1983-м; отец – Константин Иванович Званцев. Всё! Детский дом, из которого Старик забрал Илью, находился в Северотурьинске. Где это все – Келым, Северотурьинск? Оказалось, на Северном Урале. Как туда попала его мать, родившаяся в Москве? И почему именно туда поехал Старик, чтобы выбрать ребенка?

Придя на работу, Илья вызвал к себе начальника службы безопасности и попросил выделить ему надежного человека для частного расследования – тот рекомендовал Максима Игоревича Кузнецова: сотрудник многообещающий, работает уже почти десять лет, бывший спецназовец, имеет юридическое образование, занимался частным сыском.

– Пришлите, я взгляну на него.

Максим Кузнецов, ровесник Ильи, оказался brutальным персонажем: суровый вид, цепкий взгляд, бритая голова, накачанная мускулатура, заметная даже под офисным костюмом, в котором он выглядел не лучшим образом, явно привыкнув к джинсам и курткам. Илья посмотрел на Максима с сомнением, но тут Кузнецов улыбнулся, и Илья понял, что человек с таким бронебойным обаянием расколет кого угодно в мгновение ока. Он и сам невольно усмехнулся в ответ.

– Ладно, работайте, – сказал он, передавая Максиму папку с документами. – Я понимаю, дело почти безнадежное. Все, что найдете, будет ценно. Докладывайте прямо мне.

– Понял. Разрешите выполнять?

– Разрешаю, – ответил Илья.

И Максим Кузнецов удалился, одарив его на прощанье еще одной улыбкой мощностью ватт в шестьсот, не меньше. Илья невольно позавидовал, зная, что его собственное обаяние равно нулю. Он вызвал шофера и вышел из кабинета, но замедлил шаг, увидев, что обаятельный Кузнецов сидит на краешке стола Лины. При виде босса Лина вспыхнула, а Кузнецов слез со стола.

– Вернусь к четверем, не раньше, – мрачно произнес Илья, уходя.

– До свидания! – с наигранным подбострастием сказал Максим ему в спину, и Илья на секунду обернулся, злобно сверкнув очками.

– Слушай, он что – неровно к тебе дышит? – спросил Кузнецов, снова усаживаясь на стол.

– Да с чего ты взял? – удивилась Лина. – И вообще, Макс, иди отсюда. У тебя работы, что ли, нет?

– А почему он тогда так психанул?

– Кто психанул?!

– Ты еще мало с ним работаешь, поэтому не поняла. Он Железный Дровосек, а не человек. Если вот это все перевести на язык нормальных людей, то будет сцена из оперы «Отелло».

И Максим пропел, утрируя:

– Молилась ли ты на ночь, Дездемо-она?

– Вот трепло! И как тебя только жена терпит? Иди уже.

– Сам удивляюсь. Пока, красотка! Но ты подумай о том, что я сказал. У меня глаз – алмаз.

Лина только фыркнула, но сама невольно задумалась. Ей, конечно, хотелось как-то устроить собственную жизнь, но она была реалисткой и понимала, что принцы женятся на Золушках только в сказках. К тому же у «Золушки» имеется сын – почти школьник. Кому она нужна с таким приданым? И для легкого романа «принц» не годился, скорее бы подошел тот же Макс, но он сразу обозначил границы, рассказав про свою семью: пококетничать – всегда пожалуйста, но изменить жене – никогда. Да Лина и сама не завела бы роман с женатым. Они с Максом слегка флиртовали, с удовольствием подкалывали друг друга, делились домашними проблемами, рассказывали о детях – Макс признался, что мечтал о сыне, но не вышло: «Живу в бабьем царстве, представляешь? Младшая котенка подобрала, так и тот девкой оказался!» И Макс выводил на экран смартфона фотографию подобранной кошечки и демонстрировал ее Лине, а сам заодно еще раз любовался своими девчонками: старшая была копией матери и напоминала трепетного олененка, хотя характер у нее был железный, а младшая до смешного походила на отца. Лина смотрела на умиленное лицо Макса и думала: «Легкий нрав у мужика. Повезло его жене».

И невольно ее мысли обращались к другому мужчине, чей характер Лине пока разгадать не удалось. Теперь, когда она знала о разводе Званцева и гибели его бывшей жены, она совсем по-другому смотрела на «замороженного шефа» и все время вспоминала слова Долли: «Он хороший человек, только несчастный». Несчастливым Званцев никак не выглядел – сдержанный, серьезный, погруженный в дела. Он резко отличался от предыдущих начальников Лины: первый был давним другом ее отца и сам относился к неопытной секретарше по-отцовски, не слишком, впрочем, увлекаясь делами, а больше рыбалкой и выпивкой. Следующий шеф, на редкость некомпетентный, раздувал от важности щеки и обращался с Линой, как с прислугой. Когда же стал распускать руки, получил от Лины по физиономии и тут же уволил строптивую «секретутку».

Званцев держался скромно, почти никогда не повышал голос и не разыгрывал из себя «императора тайги», а с Линой обращался вежливо, но отстраненно. Сотрудники относились к боссу с трепетом, и это было вызвано не столько его положением, сколько силой его личности. Однажды Лине пришлось привезти Званцеву необходимые документы, которые не успели подготовить к началу конференции: Лина вошла в холл во время кофе-брейка, Званцев заметил ее издали и легко прошел сквозь толпу – перед ним все расступались, и даже тот, кто стоял спиной, невольно делал шаг в сторону, словно Званцева окружало невидимое силовое поле. И самое поразительное, что он этого даже не замечал.

Глава 3. День рождения

Пятнадцатое апреля Лина ждала с некоторым трепетом, но ничего особенного не произошло – тишь да гладь, не то что на прежней работе, когда к боссу с утра выстраивалась очередь поздравителей. Званцев приехал к обеду, по виду темнее тучи. Сразу закрылся в кабинете, приказав ни с кем не соединять, и вызвал начальника хозяйственной службы, устроив тому страшный разнос, слышный даже из-за закрытой двери: оказалось, что он очень даже умеет повышать голос. Хозяйственник вывалился в предбанник весь красный и попросил воды. Отдышавшись, он сказал, кивнув на дверь босса:

– На кладбище был! Сегодня ж годовщина. А мы прибраться после зимы не успели. Я виноват, забыл совсем. Про Старика-то помню, а вот про Диану запамятовал. А у него ж сегодня еще и день рожденья, у Званцева-то! Вот и злой, как не знаю кто. Старик помягче был, прямо скажем. А этот – что твой Малюта Скуратов. Представляешь, сразу приказ издал, чтобы никто не смел его ни с какими праздниками поздравлять, тем более подарки подносить. Под угрозой мгновенного увольнения. А ты говоришь!

И хозяйственник, пыхтя, удалился, а Лина покачала головой: да-а, страшное дело. Она втихомолку собирала прозвища, которые народ давал боссу: Лорд-Десница, просто Лорд, Железный Дровосек, а теперь еще и Малюта Скуратов. Вечером она осмелилась заглянуть к Малюте:

– Илья Константинович, я вам еще нужна?

Илья Константинович задумчиво на нее смотрел, и Лина с трудом удержалась, чтобы не проверить, все ли у нее в порядке с одеждой.

– Я могу идти домой?

Внезапно Илья ожил и спросил:

– Какие у вас планы на вечер?

– А что, мне придется задержаться? Ну, если надо...

– Может быть, поужинаете со мной?

Лина так изумилась, что даже слегка пошатнулась.

– У меня сегодня день рождения, – продолжил Илья, глядя в стол. – Как-то странно праздновать в одиночку, не находите?

– Да, странно. И совсем не праздновать – обидно. Конечно, я с удовольствием составлю вам компанию...

– Но?

– Нет-нет, все в порядке.

– Лина, немедленно скажите, в чем проблема.

– Никаких проблем! Просто я по пятницам обычно езжу к сыну, он у моих родителей. Это ближе Подмоскovie. Добираться в Москву оттуда не очень удобно, поэтому я тут снимаю. Ничего страшного: я им позвоню и скажу, что приеду завтра.

– Где именно живут ваши родители?

– В Ясногорске.

– Хорошо, мой шофер потом вас туда отвезет.

– Спасибо...

– Еще что-то?

– Мне бы нужно заехать сначала к себе, забрать кое-что для сына!

– Заедете. Это все?

– Да.

– Тогда пошли, не будем терять время.

Илья сразу же пожалел о необдуманном предложении, которое к тому же создало массу сложностей и для Лины, и для него самого. Что она думает, интересно? Что босс сошел с ума? Или собрался за ней приударить? Но усевшись в машину, Илья решил: «Пусть думает что угодно». Он знал, что не способен провести этот вечер в одиночестве – надо было и правда поехать к Долли. Ладно, он как-нибудь переживет изумление Лины, так и написанное у нее на лице. Лучше уж поужинать с ней, чем напиться в компании девушки по вызову. По дороге они молчали, и Лина физически ощущала окутывающую их неловкость: зачем Званцев ее пригласил, если явно не знает, как с ней обращаться?

В ресторане Лина почувствовала себя еще более неуютно: ее офисный костюм, купленный на первую зарплату, элегантный, но строгий, не слишком подходил к местной атмосфере. Но деваться было некуда. Зал ресторана напоминал дворец: колонны, золото, лепнина, хрустальные люстры, галантные сцены на шелковых обоях, темно-красные скатерти, зажженные свечи, розы в вазах; в центре круглого зала – белый рояль, а на небольшом подиуме – пара кресел и пюпитр с нотами. Через некоторое время подтянулись музыканты во фраках, которые весь вечер играли что-то изысканно-романтическое. «Красиво жить не запретишь!» – тихо пробормотала Лина и покосилась на Званцева. Он сосредоточенно изучал меню, с трудом сдерживая смех, потому что вдруг увидел ресторан глазами Лины: да, пафосно, ничего не скажешь! Илья выбрал это место случайно – самый центр, да и кормят неплохо, как ему помнилось: однажды угощал здесь инвесторов.

– Вы позволите мне заказать для вас? – спросил Илья, и Лина поняла: не хочет, чтобы она видела цены. – Что будем пить? Шампанское? Я сам, честно говоря, не очень люблю.

– Лучше вино.

– Возьмем красное. К мясу как раз. Или вы предпочли бы рыбу?

– Мясо – нормально.

– Так, что тут у них... Говядина по-китайски в соусе из черного перца, жаркое из ягненка, оленина по-монгольски, корейка ягненка с печеными овощами, японское мраморное мясо Кобе, бифштекс с фуа гра, трюфелем и спаржей...

– А можно вот это, которое с фуа гра! Всегда мечтала попробовать, – воскликнула Лина и мгновенно устыдилась: скромнее надо быть, скромнее.

Но Илья и бровью не повел:

– Хорошо, а я тогда возьму рыбай с перечным соусом. А трюфели вы пробовали?

– Нет, не довелось. Зато спаржа у нас на огороде растет.

– Да что вы?

– Аспарагус знаете? Такие пушистые игольчатые ветки, их еще в букеты добавляют. Это и есть спаржа. Только сорт не тот. У меня мама огородница, она выясняла.

– Надо же, я и не знал.

– А я не знала, что ананасы на грядках растут! Думала, на пальмах, как кокосы.

– Пожалуй, для меня это тоже открытие.

– А бамбук – это вообще трава, представляете? Семейство злаковых. Со страшной скоростью вырастает, чуть не метр в сутки. Вот бы посмотреть! Сесть рядом и наблюдать. Я так хотела бы побывать в бамбуковой роще. Говорят, бамбук поет на ветру...

Лина понимала, что Званцеву вряд ли интересны эти ботанические откровения, которые она по дороге на работу вычитала в журнале, но не могла остановиться. Слишком уж невероятно было все происходящее: она с боссом в шикарном ресторане, собирается пробовать фуа гра с трюфелями, за ее спиной разливаются скрипка с виолончелью, а сам босс загадочно мерцает очками и чуть заметно улыбается, слушая Линин лепет.

– Я бы сказал, что бамбук звенит, – внезапно произнес босс. – Тихо и мелодично. Как ловушка для ветра.

– А вы слышали, да?

– Мне довелось там побывать. Бамбуковый лес Сагано. Это префектура Киото. Действительно, очень красивое зрелище и необычное впечатление.

Илья был в Японии полгода назад и специально поехал в Сагано, чтобы послушать бамбуковую музыку, которая, как сказал его психотерапевт, оказывает умиротворяющее воздействие и дает ощущение гармонии. Умиротворение и гармония так и не снизили тогда на Званцева, а сейчас он вдруг поймал себя на мысли, что присутствие Лины, пожалуй, весьма поспособствовало бы умиротворению. И гармонии. Он даже сжал с силой кулак, чтобы отвлечься – настолько яркая картинка «умиротворения» предстала у него перед глазами. Тут, к счастью, подошел сомелье с заказанной бутылкой, и начались церемонии, на которые Лина смотрела широко открытыми глазами, а Илья старался не рассмеяться: уж очень выразительное лицо было у дамы. Бутылку торжественно продемонстрировали – Илья кивнул, потом не менее торжественно открыли и налили немного в бокал – Илья попробовал вино, проверил этикетку и оценил пробку. Наконец вино разлили по бокалам, и Лина сказала:

– Можно, я произнесу тост?

– Давайте, – усмехнулся Илья.

– Я хочу выпить за настоящее. Мы не в силах изменить прошлое, над будущим тоже не властны. Все, что у нас есть, – это мгновение между прошлым и будущим. Пусть оно будет прекрасным. С днем рождения!

– Спасибо. Что ж, это мгновение мне, пожалуй, нравится.

Ужин продолжался своим чередом, официанты суетились, позвякивали столовые приборы, приглушенно звучали голоса. Илья, забыв обо всех своих душевных терзаниях, с легким умилением наблюдал, как Лина удивляется, увидев поданный ей «натюрморт»: из лужицы оранжевого соуса, художественно размазанного по тарелке, островком выступал бифштекс, увенчанный кружком паштета и лепестками тонко порезанного трюфеля, а рядом лежало несколько стебельков спаржи в панировке. Лина осторожно сняла вилкой один лепесток, попробовала и подняла брови.

Илья радовался: так давно ему не приходилось ухаживать за женщиной! Не в том смысле, чтобы действительно ухаживать... Или в том? Он и сам не знал. Музыканты вдруг заиграли «Либертанго» Астора Пьяцоллы – мелодия очень странно звучала в псевдоромантическом антураже ресторана, но удивительным образом подходила к происходящему между сотрапезниками, которые словно ходили кругами, то приближаясь, то отдаляясь. Илья невольно поежился, а Лина подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза – Званцев поспешно отвел взгляд и схватился за бокал. Отпил порядочный глоток и спросил:

– А что за имя – Виталина? Никогда раньше не слышал.

– Это мама придумала. Она у меня такая... романтическая особа. Ей показалось, что красиво. Как меня только не дразнили в школе: Гуталина, Витамина!

– С трудом представляю, что кто-то мог решиться на такое.

– Это в младших классах. Я была мелкая фитюлька, но дралась лихо, так что со временем отстали. Даже наоборот!

– Наоборот?

– Ну...

Лина усмехнулась, пожав плечами, и так взглянула на Илью, что он поспешно сменил тему разговора:

– А кто ваши родители по профессии?

– Папа слесарь шестого разряда, мама – старший бухгалтер.

– Романтически настроенный старший бухгалтер? Не знал, что такое возможно.

– Еще как возможно.

– А как зовут вашего сына? Ему ведь скоро в школу? – спросил он после очередного бокала.

– Павлик. Осенью пойдет. Я пока не определилась, как лучше: у нас в Ясногорске школы слабые, а устроить в московскую – это столько проблем! Да и накладно, если платно, а так и не возьмут, наверно. Он уже хорошо читает, хотя не особенно увлекается. Это мама постаралась, много с ним занималась. Меня-то он только по выходным видит.

– А куда же делся его отец? – осторожно спросил Илья и быстро взглянул на Лину – вид у нее был напряженный. Она помолчала и ответила, не поднимая головы:

– Он погиб еще до рождения сына.

– Простите.

– Ничего. Уже семь лет прошло.

Десерт принесли очень вовремя, потому что Илья решительно не знал, о чем говорить дальше. Когда они с Линой добрались до машины, Илья сказал шоферу:

– Дима, сейчас мы едем к Лине, потом к ее родителям в Ясногорск, а потом меня отвезете.

Лина снова изумилась: зачем он хочет с ней ездить?

– Вы не против? – спросил Илья. – Решил немного покататься.

– Пожалуйста...

Как будто она могла сказать ему «нет»! Это была странная поездка. Если в начале вечера атмосфера в салоне лимузина казалась арктической, то сейчас явно припекало. В воздухе словно витала навязчивая и страстная мелодия «Либертанго» – кожу у обоих покалывало, как иголками. На подъезде к Ясногорску Лина вдруг вспомнила:

– Ой, у меня же есть для вас подарок!

– Подарок?!

– Да! Я знаю, что вы не велели, но это пустяк, детская открытка. Павлик нарисовал для вас. Да где же она...

Лина рылась в сумочке, а Илья смотрел на нее в полном потрясении:

– Ваш сын нарисовал для меня картинку?! Он что, знает о моем существовании?

– Конечно, я же рассказываю. Ему интересно, чем мама занята на работе. А, вот! Не судите строго, все от чистого сердца.

И Лина протянула Званцеву листок плотной бумаги, сложенный пополам. Забирая открытку, Илья нечаянно коснулся пальцев Лины, и время остановилось, а потом обернулось вспять, и Илья снова оказался в тесном закутке лифта, ощутив тепло и тяжесть ее тела, аромат ее духов... Казалось, прошла вечность, но длилось это помрачение всего пару секунд. Лина сказала – и голос ее заметно дрожал:

– Пожалуй, требуются пояснения. Павлик нарисовал наше офисное здание, как он себе это представляет. Вот это – лифт. Он никогда еще не поднимался на лифте. Все канючит, чтобы я взяла его на работу. А это вы!

– На крыше?!

– Ну, вы же самый главный, должны быть выше всех. Там у дома еще машинки нарисованы.

– Машинки я опознал.

– А это сам Павлик с флажком. Вместо цветов. Он сказал, что мужчинам цветы не дарят, только девочкам. Поэтому – флажок.

– Спасибо! Неожиданно, но трогательно. Лина, я очень благодарен вам. И Павлику. Вы спасли мой вечер. И слова он сам написал?

– Сам. Срисовывал, конечно. Очень старался.

На нижнем поле вилась надпись корявыми печатными буквами: «С днем рожденья!», причем буква «я» была повернута не в ту сторону. Некоторое время они ехали молча – Лина думала, что Званцев вроде бы действительно тронут, а Илью мучило любопытство: что же Лина рассказывает про него сыну? Наконец лимузин затормозил около калитки дома Лины, и Званцев спросил:

– Когда вы поедете обратно в Москву? В воскресенье?

– В понедельник утром, на электричке. Сразу на работу.

– Тогда Дима за вами заедет.

– Это, наверно, неудобно!

– Удобно. И впредь напоминайте, чтобы я распоряжался о машине для вас на пятницу и понедельник. Кстати, давно хотел сказать, что вы очень хорошо работаете, и я вами доволен. Увидимся в понедельник. Спокойной ночи.

– Спасибо, – растерянно произнесла Лина, глядя на стремительно удаляющиеся габаритные огни лимузина. – Спокойной ночи...

Она не знала, что и думать. Может, Званцев и правда неровно к ней дышит, как сказал Максим? Тогда почему напоследок он вдруг снова «включил босса», хотя до этого разговаривал вполне по-человечески? Что означает его поведение, если перевести на язык нормальных людей? И зачем она ему соврала? Про отца Павлика? Не специально! Просто ответила на автомате. Она привыкла так отвечать любопытствующим – вообще-то, кому какое дело до ее личной жизни? Но со Званцевым ей хотелось быть честной.

Лина долго не могла заснуть, размышляя о странностях босса: влюбился он в нее, что ли? В нее, провинциальную простушку с ребенком? Когда вокруг столько красавиц – только помани пальцем, тут же падут к его ногам! Или просто хочет переспать? И что – стесняется предложить? Званцев? Лина даже не подозревала, насколько ее предположения близки к истине.

Не спал и Званцев. Еще по дороге настроение у него стало стремительно портиться, а войдя в пентхаус, он и вовсе затосковал. Илья несколько раз бесцельно обошел свои хоромы – и о чем он только думал, поселившись здесь? Выпил минеральной воды, рассеянно съел яблоко, включил было телевизор, но тут же и выключил. Он маялся, не зная, что делать с собой, потому что половина его души словно осталась там, у калитки, где он простился с Линой. Окончательно обозлившись на себя, он отправился в бассейн и с мрачным ожесточением принялся плавать туда-сюда, пока совсем не выдохся, но до километра так и не дотянул. Илья заснул лишь под утро, а Лина все время была рядом с ним, в той же постели – обнимала теплой рукой и дышала в шею, так что Илья испытал сокрушительное разочарование, когда проснулся и не обнаружил ее.

Лине снилось то же самое, так что при встрече в понедельник оба чудовищно покраснели, но, поскольку избегали друг на друга смотреть, ни один так и не заметил смущения другого. Общаться им стало сложнее: Званцев усовершенствовал свой невидимый скафандр, а Лина изо всех сил старалась держаться в официальных рамках. Через неделю, когда пришли деньги на карту, оказалось, что Званцев поднял ей зарплату аж на тридцать тысяч. Лина пришла благодарить, но он отмахнулся:

– Оставьте! Вам же нужно будет платить за школу, вот и пригодится прибавка. Лучше запомните, какого числа свадьба Долли? Они не переносили? Тогда закажите два номера в лучшей гостинице. Все время забываю, какой город – Дмитров?

– Ковров. Можно во Владимире остановиться, но от Коврова ближе.

– Долли приглашала к себе, но я все-таки предпочитаю отель. Думаю, вы тоже. Нет, надо же было Пахомову в такой глуши дом построить! И свадьбу вполне могли в Москве сыграть, так нет.

– Зато экология хорошая. Долли говорила, что Пахомов заядлый лыжник. А там рядом какие-то крутые трассы.

– В Коврове?!

– Крутые не в том смысле, что горы! Современно обустроенные.

– Хорошо. Ковров так Ковров. Я заеду за вами в субботу в семь утра. Приедем в одиннадцать, будет время передохнуть. В воскресенье могу завезти вас к родителям, если хотите.

- Они меня отпустили на все выходные.
- Прекрасно.

И Званцев снова уткнулся в свои бумаги. Выглядел он на редкость недовольным, и Лина вздохнула: лучше бы она доехала на перекладных, чем четыре часа трястись рядом с мрачным Званцевым. И с какой стати он вздумал за ней заезжать?

Глава 4. Уволь меня!

В ночь с пятницы на субботу Лина почти не спала: во-первых, волновалась, во-вторых, берегла прическу. Из дома она вышла за пять минут до срока – в одной руке небольшая сумка, в другой – чехол с платьем. Лина все обсудила с Долли: и прическу, и наряд, но все равно переживала, потому что никогда в жизни не участвовала в подобном мероприятии. Долли собиралась провести свою свадьбу с голливудским размахом, благо средства жениха позволяли. «Я замуж выхожу в первый и последний раз! Так что имею право», – заявила она.

Лина огляделась по сторонам – лимузина Званцева еще не было. Но тут какая-то машина требовательно погудела и мигнула фарами. Не веря своим глазам, Лина шагнула вперед и чуть не упала, запнувшись о шербатую плитку. Из машины вылез Званцев, быстро подошел к Лине и забрал у нее сумку и чехол:

– Вы что, еще не проснулись?

Он был в кроссовках, джинсах и голубом джемпере (цвет перванш – вспомнила Лина). В треугольном вырезе джемпера виднелась черная футболка. Без очков! И злой, как сто тысяч чертей. Лина тихонько уселась в машину и съежилась.

– Пристегнитесь! – буркнул Илья и так резко сорвался с места, что Лину вдавило в спинку сиденья. Внешний вид Званцева изумил Лину, а то, что он сам ведет машину, настолько поразило, что она невольно посматривала в его сторону, думая: «Интересно, какого цвета у него глаза?» Пока было непонятно, потому что Илья упорно смотрел только вперед. Лина видела его суровый профиль и сильные руки, сжимающие руль, – рукава он закатал до локтя. Наедине с боссом в тесном пространстве автомобиля Лине было как-то некомфортно. Званцев ее... волновал. Настолько, что в горле пересохло и мурашки побежали по коже. «Да что со мной такое?» – подумала Лина, откинулась на спинку и отвернулась – от греха подальше. Постепенно она задремала, но на крутом вираже очнулась: они мчались уже где-то за городом. Машина стала замедлять ход.

– Надо позавтракать, – сказал Илья, и Лина обрадовалась: уже некоторое время она пыталась придумать, как попросить его остановиться. Она сразу же побежала в дамскую комнату, а выйдя оттуда, в очередной раз не поверила своим глазам: Званцев гладил кошку! Мало того, он явно с ней ворковал, судя по умиленному лицу. Самая обычная серая кошка в темную полоску – такая же была у родителей Лины, и Павлик утверждал, что она «зелененькая»: «Мама, ну как ты не видишь – совсем зеленая!» Кошка стояла, упираясь передними лапками о ногу Ильи, потом запрыгнула к нему на колени и принялась топтаться и «бодаться», громко мурлыча. Лина села за столик, изо всех сил стараясь убрать с лица всякое выражение. Званцев поднял голову – он улыбался! А глаза у него оказались голубовато-серыми. Ну да, цвет перванш. Некоторое время они смотрели друг на друга, потом Илья пожал плечами и довольно смущенно сказал:

– Вот, кошка.

И Лина вдруг ощутила такой прилив нежности к этому новому и неожиданному Званцеву, что чуть не заплакала, представив его вселенское одиночество, от которого он спасался с помощью чужой кошки. Тут подошла официантка, и он пересадил кошку на стул рядом, она тут же плюхнулась на бок, подставляя живот для чесания.

– Опять она вас достает, – рассмеялась официантка. – Прямо влюбилась!

– Ничего, все нормально, – сказал Илья.

Лина что-то ела, пила кофе и старалась на слишком таращить глаза на Званцева, настолько не похожего на самого себя, что все происходящее казалось ей нереальным. «Может, мне это снится?» – Лина даже потихоньку ущипнула себя за руку. Не снилось. Кошке надоело

валяться, она села и уставилась на Лину – та ахнула: батюшки, да она косая! Надо же, какая смешная физиономия.

– Правда, забавная? – спросил Илья. – Уморительное существо. Я давно ее знаю. Часто заезжаю сюда позавтракать.

Когда они направились к машине, кошка побежала за ними, но Илья подхватил ее под пузо и отнес официантке. Все еще улыбаясь, он сел за руль. Теперь он вел машину не так агрессивно, и Лина решилась спросить:

– Илья Константинович, а почему вы тут завтракаете?

Он коротко взглянул на нее и усмехнулся:

– Я по выходным часто уезжаю из города. Просто покататься. Куда глаза глядят. Если есть время, конечно.

– А вы не хотите забрать кошку домой?

– Лина, я и сам-то дома не бываю. Она скучать будет. А тут такая движуха!

Оттого, что он произнес это дурацкое слово «движуха», которое обожал Павлик, вставляя к месту и не к месту, Лина совсем растерялась и ляпнула, не подумав:

– А это действительно вы?

Илья улыбнулся:

– Это действительно я. Что, не узнаете?

– Не узнаю.

– А почему у вас этот платок на голове? – спросил он с любопытством. – Я вас тоже не сразу узнал.

– Я прическу берегу. Вчера три часа в парикмахерской провела. Долли велела мне быть в виде красавицы.

Илья хмыкнул, узнав любимое выражение Долли. Как же он по ней скучал! Ладно, надо привыкать. Большой мальчик, должен справиться.

– Илья Константинович, какая же у вас тачка классная, – сказала Лина. – Это «Бентли», да?

– «Бентли Бентайга».

– Просто супер! Автомат? А сколько лошадей?

– Шестьсот с небольшим. Двенадцать цилиндров, пневматика, полный привод. А вы, смотрю, разбираетесь?

– Немного. Сколько можно выжать, двести пятьдесят?

– Триста.

– Ого! А почему вы черную не взяли?

– Очень пафосно, синяя попроще.

– Мужская логика, понятно. И опять же к джемперу подходит, – сказала Лина и тут же мысленно себя одернула: «Что-то ты разошлась! Держись в рамках». Но держаться в рамках было совершенно невозможно: Илья рассмеялся, и от его смеха Лина растаяла, как льдинка на солнце. Они стояли на светофоре, Илья смотрел ей прямо в лицо, Лина чувствовала, как горят ее щеки: никогда еще не испытывала она подобного эмоционального и чувственного потрясения, осознав, что готова отдаться этому новому Званцеву прямо в машине, стоит ему только руку протянуть. Отдать себя, свою душу, свою жизнь...

– Хотели бы такую машину? – спросил Илья.

Это прозвучало как предложение. И предлагал Званцев вовсе не машину. У Лины перехло в горле. Что происходит? К счастью, загорелся зеленый, и Званцев отвел от нее свой взгляд. Лина выдохнула.

– Раньше я все о «Хаммере» мечтала, – сказала она. Голос звучал подозрительно хрипло, а сердце колотилось, как сумасшедшее.

– «Хаммер»? Да ну! – возразил Илья как ни в чем не бывало. – Он понтовый и неудобный. Бензин жрет, как не знаю кто. На «Хаммере» уже никто и не ездит, это в девяностых...

– Ну да, а «Бентли Бентайга», конечно, самая скромная машинка.

Илья снова рассмеялся:

– Да, это вы меня уели. Надо же, никогда бы не подумал, что такая девушка, как вы, разбирается в технике. Да еще мечтает о «Хаммере»!

– Мечта юности. Это вы еще не знаете, что я на мотоцикле гоняла.

– Вы? Ничего себе!

– Не на «Харлее», конечно, но на вполне приличной «Хонде». И на чужом «Сузуки». Я выросла среди машин и мотоциклов. У нас в городе мотоклуб. Так что оторвалась в юности.

Лина задумалась, глядя в окно, а Илья мгновенно представил ее в виде байкерши: должно быть, шикарно выглядела. Он подумал о собственной юности: бесконечная учеба, дополнительный английский, теннис, никаких недозволенных развлечений – Старик держал их с Дианой в строгости. Впервые Илья «оторвался» в Лондоне, да и то сейчас ему казалось, что Лина имела в виду что-то другое, далекое от его походов по пабам и мимолетных романчиков со случайными девушками. Илья понял, что мягкий женственный облик нынешней Лины обманчив, и эта мысль его взволновала. А Лина как раз вспоминала себя прежнюю: да, крутой девчонкой она была! Курила, виртуозно материлась, хулиганила, гоняла на байке, могла перепить любого мужика – родители только за голову хватались. Но когда появился Павлик, все изменилось.

– Да, давно это было, – сказала Лина, вздохнув.

– Не тянет погонять?

– Хватит, накаталась.

Илья нахмурился, вспоминая, что она сказала про отца Павлика – погиб?

Наверняка разбился на байке.

Они заселились в лучшую гостиницу славного города Коврова, которая оказалась довольно странной невысокой постройкой, напоминающей сгрудившиеся шалаши: крыши с крутыми скатами, красные стены, украшенные стилизованными белыми стволами деревьев, и много стекла. К сему прилагался пруд и сосновый бор, а также бассейн, тренажерный зал, СПА-салон и какой-то термальный комплекс. Стены номера оказались, наоборот, белыми, а деревья на них – красными. На полу тоже была изображена мешанина разноцветных веток, среди которых попадались прутья лимонно-желтого цвета – такого же, как на наволочках и простынях. У Ильи мгновенно заломило зубы от этой лимонности. Слава богу, что они тут только на одну ночь! Да, пожалуй, надо было ехать к Долли.

Он договорился встретиться с Линой в холле через час – Долли должна была прислать за ними машину. Илья спустился вниз на десять минут раньше и сел в кресло, мимоходом взглянув на свое отражение в одном из зеркал. Он поморщился, потому что не любил светские сборища и весь этот официоз: смокинги, галстуки-бабочки. У него было странное состояние, словно перед экзаменом, к которому плохо подготовился. Илья решил, что во всем виновата Лина, которая всю дорогу тарасилась на него, как на чудо морское. В то же время он чувствовал, что они стали ближе, словно исчезла некая преграда, стоявшая между ними. Да просто он не надел очки – в этом и дело! Илья хмыкнул, представив, что сказала бы Долли: «Наконец ты вылез из упаковки. А то вечно завернут в десять слоев, как новогодний подарок, да еще и ленточкой перевязан». Только вот никаким новогодним подарком Илья себя не ощущал.

Он задумался, сам не зная о чем, и тут же перед его внутренним взором появилась Лина: вот она поправляет прядь волос, выбившуюся из-под веселенькой косынки в горошек, а вот пьет кофе и краснеет, поймав его заинтересованный взгляд. Ей так идет легкий румянец – глаза сразу делаются яркими, русалочьими. А как она смотрела на него в машине! Хорошо, зеленый зажегся, а то бы не устоял. Илья представил, как могли бы развиваться события дальше, и ему стало жарко. Черт побери, она же просто красавица! Но ведет себя так, словно не знает этого.

Да нет, все она про себя знает, просто держит дистанцию. И правильно. Интересно, сын похож на нее? Наверно, такой же глазастый. Илья помрачнел: все десять лет брака он мечтал о детях. Но сначала было рано, а потом... А потом стало поздно. Он вздохнул и взял было газету, но в тут холле произошло какое-то общее движение, словно коллективный вздох – «Ах!». Он посмотрел, что происходит, и машинально встал: по лестнице спускалась Лина.

Илья смотрел во все глаза, даже дышать забыл. На ней было мерцающее зелено-вато-серебристое платье – длинное, без рукавов и с небольшим декольте. Простое, но при этом настолько сексуальное, что Илья даже на секунду прикрыл глаза. Непонятно, чем вызывался подобный эффект – то ли покроем, то ли особенностями ткани, только Лина казалась обнаженной, настолько платье подчеркивало все достоинства ее фигуры, далекой от современных стандартов моды. Волосы, раньше прикрытые косынкой, были подняты вверх и затейливо уложены. Лина подошла, улыбнулась: «Ну что, идем?» и накинула на плечи прозрачный шарф, который Илья раньше не заметил, как и крошечную серебряную сумочку-клатч. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, и Илья подумал: «Может, взять ее за руку и увести к себе в номер?», и Лина тут же сказала, словно отвечая на его мысли:

– Мы не опоздаем на свадьбу?

Ну да, она же подружка невесты! А он сам ведет невесту «к алтарю». И проклиная все на свете свадьбы, Илья пошел следом за Линой к выходу. Он чуть не застонал, увидев, как платье выглядит сзади: спина была обнажена наполовину, а от пояса до самого низа по центральному вертикальному шву юбки шла мягкая складка-драпировка, которая так колыбалась при движении, что взгляд сам притягивался к этому «русалочьему хвосту» и к бедрам «русалки».

В результате свадебное действо, от которого Илья и так не ждал ничего хорошего, обернулось для него истинным мучением: вокруг Лины мгновенно образовался кружок воздыхателей, а ему оставалось только мрачно накачиваться спиртным. Пригласить ее на танец он не осмелился – смотреть-то было тяжело, а уж обнять... Илья невольно хмыкнул, представив дивную в своей непристойности картину, которая, несомненно, порадовала бы Долли – она улыбалась ему издали и даже раз подмигнула. Илье вдруг пришло в голову, что Долли специально все это подстроила: подсунула Лину в претендентки на должность секретарши, пригласила в подружки невесты! Обвинить Долли в том, что Лина сразу же оказалась в его объятьях, было, наверно, несправедливо, но даже сцена в лифте казалась ему теперь подозрительной, так что когда Лина с бокалом вина в руке подошла к Илье, он был зол так, что искры сыпались.

– Я ухожу, – сказал он сквозь зубы. – А вы можете развлекаться дальше. Долли вас доставит в отель.

– Да я тоже собиралась смыться! – воскликнула Лина, несколько не испугавшись, и залпом допила вино, потом бестрепетно взяла Илью под руку и повела к выходу. Он тут же струсил и в машине сел на переднее сиденье, лишь бы не оказаться с Линой рядом, а потом резво побежал вперед, пробормотав на ходу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.